

Ольга Ефимова

Свердловск-45. Хроника исчезновения

18+

Ольга Ефимова

Свердловск-45.
Хроника исчезновения

«Автор»

2026

Ефимова О.

Свердловск-45. Хроника исчезновения / О. Ефимова — «Автор»,
2026

Свердловск-45 — закрытый военный городок, стёртый со всех карт. Сюда не ездят туристы, здесь не ловит связь, а местные обходят это место за километр. Но для Ильи Шустова, его девушки Насти, младшего брата Гоши и старого полковника Громова этот город станет последним пунктом назначения. В законсервированном бункере они находят работающий плазменный резонатор «Гром» — секретную разработку Минсредмаша, созданную для управления временем. Случайная искра — и их выбрасывает в 1983 год, за минуту до катастрофы, которая должна уничтожить всё в радиусе сотен километров. Теперь у них есть шанс предотвратить аварию. Но время — не река, а океан с бесконечными течениями. Каждый шаг, каждое вмешательство создаёт новые временные петли, и вскоре герои понимают: они не просто гости в прошлом — они стали частью механизма, который может разрушить саму реальность. Смогут ли они выбраться из временной ловушки и вернуть свой мир, не заплатив за это слишком высокую цену?

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2. Карцер подземелья	10
Глава 3. Исходная точка	15
Глава 4. Седьмой километр	20
Глава 5. Дом, которого нет	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ольга Ефимова

Свердловск-45. Хроника исчезновения

Глава 1.

Свердловск-45 на картах нет

Дождь лил третьи сутки. Серый, мелкий, назойливый — такой, какой на Урале называют «ситничком». Он не смывал грязь с дорог, а только размазывал её, превращая грунтовку в скользкую кашу. Илья Шустов стоял на крыльце своего вагончика, прихлёбывал остывший чай из железной кружки и смотрел, как капли барабанят по жестяному козырьку. Вокруг — насколько хватало глаз — тянулся лес. Сосны, берёзы, кое-где рябина с уже опавшей листвой. Лес глухой, безлюдный. Места здесь называют «медвежьими углами», но Илья знал, что мишки здесь редкость. Гораздо чаще попадаются человеческие следы — старые, полузаросшие, но оттого ещё более тревожные.

Он был проводником. Не тем, кто водит туристов по тропам, а особым — по заброшенным военным объектам. Закрытые города, законсервированные шахты, брошенные полигоны. Заказчики попадались разные: от фанатов сталкерских игр до серьёзных людей в дорогах куртках, которые искали не хайп, а забытые архивы, чертежи, иногда — просто тишину. Илья брал недорого, но надёжно. Знал каждый овраг, каждую бетонную плиту в радиусе трёхсот километров. Карты он носил в голове, а компас проверял по мху на деревьях — старые привычки ещё со срочной службы в войсках связи.

Сегодня у него был выходной. Гоша, младший брат, уехал в Екатеринбург за запчастями для старого «УАЗа», а Настя — девушка Ильи — сидела в вагончике над ноутбуком, изучала какие-то сканы из областного архива. Она увлекалась историей советской науки, и последние полгода её интересовал странный объект под кодовым названием «Гром». Илья слышал о нём лишь краем уха — что-то про подземную лабораторию в районе Свердловска-45, давно закрытую после аварии. Обычная история для этих мест. Взрыв метана, обрушение шахты, пять трупов, приказ о консервации. Типичная строчка в сводке МЧС.

Но Настя находила нестыковки. В одном документе говорилось о взрыве, в другом — о пожаре, в третьем — о «нарушении герметичности реакторной установки», хотя никакого реактора там быть не могло по определению. Она закинула Илью вопросами, но он отмахивался: «Настя, ну что ты копаешься в древности? Если объект засекречен, значит, так надо. У нас в стране миллион таких тайн, и каждая вторая — просто чей-то неправильный рапорт».

Но сегодня утром что-то изменилось. Настя вышла из вагончика с красными глазами и сказала только одно: «Илья, там были дети. В 1983-м там были дети. Зачем детям в шахте?»

Он не успел ответить. В кармане куртки завибрировал старый кнопочный телефон — единственный, который ловил сеть в этой глуши. Номер был незнакомый, с кодом Екатеринбурга. Илья нажал «принять».

— Шустов? — голос мужской, хриплый, с лёгким цоканьем, будто говоривший прикусывал язык. — Мне нужен проводник. Срочно.

— Выезжаю в город через два дня, — сухо ответил Илья. — Заявки оформляйте по почте, я потом...

— Нет, — перебил голос. — Это не заявка. Это личное. Я плачу в десять раз больше обычного. И мне нужно сегодня.

Илья хмыкнул. Десять раз — звучало как шутка, но голос был слишком серьёзным, чтобы сомневаться. Он переспросил:

— Кто вы? И куда нужно?

— Меня зовут Громов. Пётр Петрович. Раньше я служил в этих местах. Я знаю о вас от общих знакомых. Вы ходили на «Кварц» и на «Петлю» — я проверял. Мне нужен человек, который не боится старых тоннелей и не задаёт лишних вопросов.

Илья мысленно усмехнулся. «Не задавать вопросов» — это было его кредо. Но в данном случае пахло чем-то нечистым.

— Объект? — коротко спросил он.

— Свердловск-45. Вход в вентиляционную штольню за водопадом. Там сейчас никого, но у меня есть ключ.

Илья замер. Свердловск-45 — это же то самое место, где Настя искала «Гром». Совпадение? Он посмотрел на вагончик, откуда доносилось тихое постукивание клавиш. Настя всё ещё сидела за ноутбуком.

— Это опасно, — сказал Илья. — Те объекты, которые вы назвали, — это детские игрушки по сравнению с тем, что под Свердловском-45. Если верить слухам, там радиоактивный фон выше нормы и есть нестабильные породы.

— Я в курсе, — ответил Громов. — Поэтому и плачу. У меня есть защитные костюмы, дозиметры и все допуски. Вы только ведёте меня к люку. И одного человека — меня. Никаких групп. Всё, что будет внутри, вас не касается. Я старый полковник, Шустов, мне семидесятый, я не хочу умереть в этом лесу один. Просто помогите добраться.

Илья помолчал. Сумма, которую назвал Громов, была действительно внушительной. На эти деньги можно было купить новый генератор для вагончика, отремонтировать «УАЗ» и ещё осталось бы на зимнюю резину. Но главное — его зацепило название. Свердловск-45. Тот самый «Гром». Он вдруг почувствовал необъяснимый холодок вдоль позвоночника.

— Хорошо, — сказал он, наконец. — Приезжайте к шестому километру от деревни Озёрная. Там поворот на старую лесовозную дорогу. Жду вас через три часа.

Он сбросил вызов и глубоко вздохнул. Дождь усилился, забарабанил по крыше, как дробь. Илья спустился с крыльца, поскользнулся в грязи, выругался сквозь зубы и толкнул дверь вагончика.

Настя сидела за столом, скрестив ноги, экран ноутбука освещал её лицо снизу, делая его бледным и почти прозрачным. Она подняла глаза — тёмно-карие, внимательные, с кругами под ними от бессонницы.

— Звонил кто-то? — спросила она.

— Клиент, — Илья стянул куртку и повесил на гвоздь. — Старый полковник, хочет сходить в Свердловск-45.

Настя вздрогнула. Ноутбук скрипнул, когда она резко подалась вперёд.

— Это тот самый объект? «Гром»?

— Похоже на то, — Илья подошёл к столу, заглянул в монитор. Там была открыта сканкопия пожелтевшей бумаги — акт о ликвидации последствий аварии от 15 мая 1983 года. Подписи нечитаемые, печать размытая, но одно слово выделялось жирным: «НЕ РАЗГЛАШАТЬ».

— Илья, это очень странно, — Настя встала, подошла к нему, взяла за руку. — Я нашла ещё один документ. Секретный, из архива Минсредмаша. Там говорится, что авария не была аварией. Что объект «Гром» — это лазерный термоядерный резонатор, а взрыв произошёл из-за несанкционированного запуска. И самое страшное — в списке погибших числятся не пять человек, а девять. И там есть ребёнок. Четырнадцать лет.

Илья нахмурился. Он не любил такие подробности. Чем больше деталей, тем выше риск. Но Громов уже едет, и отказаться будет сложно — у него, у Ильи, свои понятия о чести.

— Ладно, — сказал он. — Ты посиди здесь, я схожу с ним до люка и назад. Часа через четыре буду. Если я не вернусь...

— Не говори глупостей, — перебила Настя. — Я еду с тобой.

— Нет. Ты останешься.

— Илья, я знаю эти документы лучше тебя. Если там какой-то секретный резонатор, я смогу понять, что к чему. А ты только в картах ориентируешься. Я нужна.

Он посмотрел в её глаза — упрямые, несгибаемые. Такой же взгляд был у неё, когда она доказывала на кафедре свою дипломную работу. Илья знал, что спорить бесполезно.

— Тогда собирайся. Возьми свой дозиметр и тот термокостюм, который ты шила из фольги. Может, пригодится.

Через час они уже стояли у поворота на лесовозную дорогу. Дождь кончился, но небо оставалось свинцовым, низким. Лес затих, ни птиц, ни ветра. Тишина, какая бывает только перед грозой, хотя синоптики обещали ясно.

Чёрный «УАЗ-Патриот» вынырнул из-за поворота бесшумно, словно призрак. За рулём сидел старик с жёстким, будто вырезанным из дерева лицом. Глубокие морщины, седые короткие волосы, глаза светло-серые, почти белые. Он вышел из машины, хромая на левую ногу, опираясь на трость — старую офицерскую, с серебряным набалдашником.

— Шустов? — он внимательно оглядел Илью, затем перевёл взгляд на Настю, нахмурился. — Я же сказал — один проводник. Женщина не нужна.

— Она со мной, — жёстко сказал Илья. — Или мы идём все, или вы ищите другого проводника.

Громов помолчал, постучал тростью по земле, затем нехотя кивнул.

— Ладно. Но предупреждаю — она не должна ничего трогать. И не задавать вопросов. Поняли?

— Поняли, — ответила Настя спокойно, но Илья заметил, как сжались её кулаки.

Они двинулись по лесовозной дороге. Громов шёл медленно, но уверенно, будто знал каждый камень. Он рассказывал, что служил здесь в 80-х, был начальником охраны объекта. Проект «Гром» действительно был сверхсекретным — разрабатывали систему направленной передачи энергии на расстояние. Не оружие, нет, скорее — способ питания космических станций лазерным лучом с Земли. Но в 1983 году произошёл пробой, и всё законсервировали.

— А почему дети? — спросила Настя.

Громов резко остановился, повернулся к ней. Его глаза сузились.

— Откуда вы знаете про детей?

— В архивах есть списки... — начала она, но Илья перебил:

— Она историк, случайно наткнулась. Так что там с детьми?

Громов покачал головой, посмотрел на небо, затем снова на них.

— В тот день на объекте была экскурсия. Для детей из местного пионерского лагеря «Спутник». Показывали достижения советской науки. Но резонатор нестабильно работал, и, ... в общем, они все погибли. Кроме одного мальчика. Того самого, четырнадцати лет. Его не нашли. Просто исчез.

Настя побледнела. Илья сжал челюсти — он не любил такие истории. Но сейчас им нужно было идти дальше.

Они прошли ещё два километра по заброшенной дороге, которая постепенно превращалась в тропу. Затем Громов свернул в чащу, где за зарослями ольхи открылся небольшой водопад — метра три высотой, вода падала в тёмный омут.

— Здесь, — сказал Громов, раздвигая кусты. За водопадом виднелся арочный проём, заложенный кирпичами, но аккуратно, без раствора. Он вытащил из-под куртки тяжёлый ржавый ключ, необычной формы, с тремя бородавками.

Илья помог ему отодвинуть кирпичи. За ними была темнота, пахло сыростью и металлом. Громов достал мощный фонарь и осветил вход: узкий коридор, уходящий вниз, стены облицованы бетонными блоками, на полу — рельсы от узкоколейки.

— Это вентиляционная штольня. Она ведёт прямо в центральный зал, — пояснил Громов. — Я был здесь последний раз в 1999-м, когда приезжала комиссия. С тех пор ничего не изменилось.

Он шагнул внутрь, Настя и Илья последовали за ним. Сразу стало холодно — градусов на десять ниже, чем снаружи. Тишина давила на уши, только собственное дыхание казалось громким.

Они прошли около двухсот метров, когда Илья заметил странные символы на стенах — красные, похожие на руны, выведенные краской поверх бетона.

— Что это? — спросил он.

Громов не ответил. Он ускорил шаг, и трость его застучала по рельсам чаще.

И тут впереди замаячил слабый свет. Голубоватый, пульсирующий, словно где-то горела газосварка.

— Мы почти пришли, — сказал Громов, но в голосе его послышалось что-то странное — смесь страха и ликования.

Они вышли в огромный зал. Высота потолка — не меньше двадцати метров, куполообразный, усеянный датчиками. В центре — два гигантских вогнутых зеркала, направленных друг на друга, а между ними висел шар. Голубой, переливающийся, размером с большой арбуз. Он светился ровным холодным светом, и от него исходило едва уловимое тепло, несмотря на общий холод.

Настя ахнула. Она узнала это из документов — рабочий прототип резонатора «Пламя-2». Но по всем данным он должен был быть разрушен при аварии.

— Он работает... — прошептала она. — Он всё ещё работает спустя 43 года.

Громов подошёл к пульту управления, стоявшему у стены. Там был рычаг, несколько тусклых лампочек и старый ЭВМ-монитор, на котором мерцали строки зелёного кода.

— Я знал, что он выжил, — сказал Громов почти шёпотом. — Я знал, что он ждал меня.

Он вставил свой ключ в гнездо, и по всему залу прошёл низкий гул. Шар ярко вспыхнул, зеркала нагрелись, воздух задрожал.

— Что вы делаете? — закричал Илья. — Остановитесь!

— Нельзя, — ответил Громов, обернувшись. — Я должен закрыть петлю. Иначе всё повторится. Те дети, та авария... я могу всё исправить.

Настя подбежала к монитору, прочитала строки и побледнела.

— Илья, он собирается запустить резонатор на полную мощность. Это вызовет временной сдвиг. Мы все погибнем, если...

Не договорив, она оттолкнула Громова, попыталась выдернуть ключ, но тот заклинил. Громов схватил её за руку, но Илья бросился на него, и они сцепились в борьбе у пульта. В суматохе Илья задел рычаг, и шар начал вращаться с ускорением. Гул превратился в вой, свет стал ослепительным.

— Нет! — крикнула Настя, пытаясь нажать кнопку аварийного сброса, но её рука прошла сквозь пульт — и вдруг время замерло. Они все застыли, как статуи, а затем стены поплыли, смешались с чем-то тёмным, и Илья почувствовал, что проваливается в бездну, где нет ни верха, ни низа.

Последнее, что он увидел — голубой шар, внутри которого мелькнул силуэт маленького мальчика с пионерским галстуком. Мальчик улыбнулся и исчез.

А затем — тишина. Полная, абсолютная. И голос Громова, доносящийся будто издалека:

— Добро пожаловать в 1983 год, Шустов. Вы пришли вовремя.

Илья открыл глаза. Он лежал на бетонном полу, но пол был другим — чистым, без пыли, с аккуратно прорисованной разметкой. Рядом, тяжело дыша, сидел Громов. Настя стояла у монитора, но монитор был выключен, а вокруг сновали люди в белых халатах. Они смотрели на незваных гостей с удивлением, но без паники.

Только один человек подошёл к ним — молодой, лет тридцати, в очках, с взволнованным лицом.

— Вы пришли? — спросил он тихо. — Я Дроздов, главный инженер. Мы видели ваш сигнал ещё вчера. У нас мало времени — через четыре минуты аварийный запуск. Помогите нам остановить его, или всё сгорит.

Илья взглянул на часы — они показывали 12 мая 1983 года, 08:47.

Он не успел ничего ответить, потому что за спиной Дроздова раздался громкий голос:

— Что здесь происходит? Кто эти люди?

В зал вошёл грузный человек в тёмном костюме, с холодными глазами и тяжёлой челюстью. Он внимательно осмотрел незнакомцев и зло улыбнулся.

— Вы, кажется, сбились с курса, — сказал он. — Я заместитель министра среднего машиностроения Степан Кузьмич. И сейчас вы расскажете, откуда у вас военная форма 2026 года, или я прикажу расстрелять вас на месте как шпионов.

Он махнул рукой, и из-за его спины выступили трое солдат с автоматами, направив их на Илью, Настю и Громова.

Илья поднял руки, но краем глаза заметил, как Громов медленно тянется к своему карману. В кармане звякнул ключ — тот самый, трёхбородковый. Шансов не было, но Илья знал одно: он должен защитить Настю. Даже если это означает смерть. Даже если это означает, что он никогда не вернётся в свой вагончик под Уралом.

— Не стреляйте! — крикнул он. — Мы не шпионы. Мы — из будущего. И мы пришли спасти вас от катастрофы.

Кузьмич расхохотался, но смех его был ледяным.

— Будущее? Какое забавное враньё. Уведите их в карцер. А резонатор запускаем по плану.

Солдаты схватили Илью, Настю и Громова за локти, потащили к выходу. Проходя мимо шара, Илья увидел, что в его глубине вновь мелькнул тот же силуэт мальчика, и услышал едва различимый шёпот: «Не дайте ему включить. Я здесь один уже сорок лет. Я жду вас».

Наступила тьма.

Глава 2. Карцер подземелья

Илья никогда не думал, что его первое прикосновение к прошлому будет столь грубым. Солдатские пальцы впились в плечи, сдавили так, что он едва не вскрикнул. Настю вели отдельно — двое автоматчиков, и она не сопротивлялась, только смотрела перед собой остекленевшими глазами, словно пыталась понять, что всё это не сон. Громов — тот вообще шёл молча, опираясь на свою трость, но трость теперь была не у него; её отобрали у входа в карцер, и он двигался тяжело, припадая на левую ногу.

Коридоры объекта казались бесконечными. Стены из бледно-зелёных бетонных блоков, под ногами — резиновое покрытие с едва заметной разметкой. Свет — тусклый, от длинных люминесцентных ламп, которые мерцали с низким гулом. Воздух пах озоном и машинным маслом; где-то глубоко внизу слышалась ритмичная пульсация — то ли вентиляция, то ли сердце самого реактора.

Илья пытался запомнить маршрут: направо, потом прямо, через шлюз с герметичной дверью, ещё три поворота, и вот они у двери с табличкой «КПП-4. ДОПУСК СТРОГО ПО ПРОПУСКАМ». Один из солдат набрал код на механическом замке, дверь с лязгом отворилась, и они оказались в коротком коридоре с тремя камерами по правую сторону.

— Заходи, — рявкнул конвоир, толкая Илью в спину.

Он перешагнул порог, камера оказалась тесной — три шага в длину, два в ширину. Стены без окон, только железная койка, привинченная к полу, и ржавый рукомойник в углу. Запах сырости и старого табака. За ним втокнули Громова, затем Настю. Дверь захлопнулась, и механический засов лязгнул с той окончательностью, которая не оставляла сомнений: выбраться отсюда будет непросто.

— Надеюсь, у вас есть план, — произнесла Настя, садясь на койку и растирая запястья.

Громов молча опустил на корточки у стены и долго водил пальцем по шву между бетонными блоками. Илья подошёл к двери, приложил ухо к металлу. Голосов не было слышно, только гул вентиляции.

— План у меня был, — наконец сказал Громов, поднимаясь. — Но он не предусматривал, что мы попадёмся на входе. Чёртов Кузьмич. Я думал, он ещё не прибыл. В оригинальной истории он появился только за час до аварии.

— Оригинальной? — переспросил Илья. — Что значит «оригинальной»?

Громов вздохнул, провёл рукой по седой щетине и посмотрел на них обоих долгим, тяжёлым взглядом.

— Вы хотите знать правду? Хорошо. Я путешествую в этой петле не первый раз. И не второй. Я потерял счёт, сколько раз я просыпался в этом карцере. Каждый раз — по-разному. Иногда нас расстреливали сразу. Иногда Кузьмич пытал нас. Иногда нас спасал Дроздов, и мы успевали остановить запуск. Но всегда, в конце концов, что-то шло не так, и я снова оказывался там, где начал — в 2026-м, с обрывками воспоминаний, с болью в ноге, с ключом в кармане. И снова ехал в этот чёртов лес.

Настя вскочила с койки:

— Так вы уже знаете, как спастись?

— Нет, — покачал головой Громов. — Потому что каждый раз — новый вариант. Я помню только общие вехи: Кузьмич, Дроздов, резонатор, мальчик. Но детали меняются. В одной версии я убил Кузьмича. В другой — мы сожгли зеркала. В третьей — я сам нажал на аварийный сброс и погиб, но потом снова очнулся в 2026-м, как будто ничего и не было. Эта штука, резонатор, она не просто переносит во времени, она создаёт множество ветвей. И я не знаю, какая из них настоящая.

Илья переваривал эту информацию. Голова шла кругом. Он взглянул на Настю — она кусала губу и явно просчитывала в голове новые переменные.

— Но ведь вы нашли нас, — сказала Настя. — Вы специально вызвали именно Илью. Значит, в одной из ваших петель мы были важны. Что мы сделали тогда?

Громов усмехнулся, но улыбка вышла грустной.

— В самой удачной версии вы, Илья, сломали пульт управления, а Настя пожертвовала собой, чтобы охладить резонатор. Тогда мы все вернулись, и авария не случилась. Но тот вариант не был «чистым» — я помню, что после этого вас не было в моей реальности, вы исчезли. А я остался с чувством вины.

— Вы хотите, чтобы я снова пожертвовала собой? — спросила Настя тихо, но без страха, скорее с любопытством.

— Нет, — твёрдо сказал Громов. — В этот раз я хочу избежать жертв. Но для этого мне нужно понять, как работает этот чёртов резонатор на самом деле. Дроздов — единственный, кто знает все коды. Если мы сможем поговорить с ним без всех, возможно, мы найдём способ выключить шар без разрушения.

— А как мы это сделаем, если сидим в карцере? — проворчал Илья, стукнув кулаком по двери.

В этот момент засов снова лязгнул. Дверь приоткрылась, и в проёме показалось встревоженное лицо Дроздова — без очков, с растрёпанными волосами. Он приложил палец к губам и быстро зашёл внутрь, прикрыв дверь за собой.

— Тише, — прошептал он. — У нас три минуты, пока охрана меняет караул. Слушайте меня внимательно. Кузьмич перенесёт запуск на 13:00, через пять часов. Он привёз с собой военных инженеров из Москвы, и они переписали прошивку. Аварийная блокировка теперь отключена, даже если я нажму кнопку, ничего не произойдёт.

Илья шагнул к нему:

— Как же нам остановить его?

— Единственный способ — физически разорвать контакт охлаждения внутри плазменной сферы. Но для этого надо подняться на вышку, — Дроздов указал вверх, словно видел купол над головой. — Она открывается только с пульта, а ключ от пульта у Кузьмича. То есть, у вас его больше нет, я видел, как солдат изъясил его и отдал Кузьмичу.

— Ключ у Кузьмича, — повторил Громов. — Хорошо. Это мы знаем. А есть ли запасной?

— Есть, — кивнул Дроздов. — Но он хранится в моём сейфе в кабинете, а кабинет опечатан. И второй экземпляр — у начальника охраны, майора Рогова. Но он подчинён Кузьмичу, и его не переубедить.

Громов хмыкнул:

— Значит, нужно либо взломать сейф, либо найти способ заполучить ключ от Рогова. А пока нас держат здесь, ни того, ни другого не сделать.

Настя вдруг спросила:

— А вы, Алексей Сергеевич, почему вы нам помогаете? Вы ведь тоже советский инженер, для вас это почти измена.

Дроздов помрачнел, взглянул на неё с болью.

— Потому что я знаю, что будет. Я видел чертежи, я считал вероятности. Если резонатор запустят на полную мощность, плазменный шар не просто сожжёт объект. Он создаст временной разрыв, и тогда не только мы погибнем, но и миллионы людей в будущем. В той истории, которую я узнал от вас (в прошлых петлях), я понял, что моя жизнь ничего не стоит по сравнению с тем, что мы можем предотвратить. И ещё... — он замаялся, — я хочу найти того мальчика. Он был в лагере «Спутник», его звали Коля. Он мой племянник.

Илья и Настя переглянулись. Громов тяжело вздохнул и положил руку на плечо Дроздова.

— Мы найдём его. Но сначала надо выбраться отсюда. Илья, есть ли у тебя что-то, что мы можем использовать как оружие или инструмент?

Илья засунул руку в карман брюк, с удивлением обнаружил там свой старый складной нож, который каким-то чудом не отобрали (солдаты обыскали только куртку). Он достал его, раскрыл лезвие.

— Нож. И ещё спички, но они отсырели.

Дроздов покачал головой:

— Этого мало. Но у меня есть план. Через двадцать минут будет смена охраны. Когда они придут за вами, чтобы отвести на допрос к Кузьмичу, я отвлеку их. Скажу, что срочно нужна помощь в машинном зале. Вы должны успеть выбежать и свернуть налево, там технический коридор, он ведёт к моему кабинету. Я оставляю дверь открытой. В кабинете за картиной Дзержинского — сейф, код — 19830512 (дата аварии). Внутри запасной ключ. Возьмите его и возвращайтесь в пультовую через вентиляционную шахту, я покажу вам вход. Но не попадитесь Рогову.

— А что будет с вами? — спросила Настя.

— Я задержу охрану, скажу, что вы сбежали, а я пытаюсь вас догнать. Меня не убьют — я ценный специалист. А вас, если поймают, сразу расстреляют, без допросов. Поэтому — ни секунды промедления.

Дроздов быстро оглянулся, прислушался к коридору, затем кивнул и вышел, притворив дверь. Снова лягнул засов.

— Как думаете, ему можно верить? — тихо спросила Настя.

— Больше никому, — ответил Илья. — И если он говорит правду про мальчика, это его сильный мотив.

— А если это ловушка? — спросил Громов, но в голосе его не было уверенности. — В некоторых петлях Дроздов переходил на сторону Кузьмича, потому что боялся смерти.

— Тогда мы попытаемся, — твёрдо сказал Илья. — Всё равно у нас нет других вариантов.

Они затихли. Где-то наверху послышался звон ключей, затем шаги, голоса. Через несколько минут дверь отворилась, и конвоир — тот же, что вёл их сюда, — грубо крикнул:

— Выходи! На допрос! Кузьмич ждёт.

Илья встал, подмигнул Насте, помог встать Громову. Они вышли в коридор, и конвоир повёл их в противоположную сторону от той, которую указал Дроздов. Но едва они сделали несколько шагов, как раздался крик:

— Тревога! Пожар в насосной!

Из бокового коридора выбежал Дроздов, размахивая огнетушителем и крича так, что уши закладывало. Конвоир замешкался, попытался понять, что делать: вести заключённых или бежать на пожар. Илья не растерялся — он резко ударил солдата локтем в шею, тот выронил автомат, и они с Громовым быстро оттащили его в камеру, закрыли дверь.

— Влево! — крикнул Дроздов, исчезая в дыму, который уже начал наполнять коридор.

Илья, Настя и Громов рванули по указанному маршруту. Сердце колотилось так, что, казалось, отдавалось в ушах. Они пробежали через шлюз, миновали две двери с электрическими замками, которые были почему-то открыты (Дроздов позаботился), и оказались у небольшой таблички «КАБИНЕТ N 7. ДОЗВОЛЕН ВХОД ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКАМ».

Илья толкнул дверь — она поддалась. Кабинет оказался тесным, заваленным чертежами, графиками, портретами учёных. На стене действительно висел портрет Дзержинского в деревянной рамке. Илья сдвинул его, за ним — маленькая дверца сейфа с ручкой-барашком. Он набрал код 19830512, и сейф со щелчком открылся.

Внутри лежали папки с документами, несколько флешек, несовместимых с современными компьютерами, и — ключ. Тот же самый, трёхбородковый, но чуть меньше размером, со свежей гравировкой «Запасной Г-83».

— Есть! — прошептал Илья, хватая ключ.

Но в этот момент за спиной раздался сухой голос:

— А вот и крысы в норе.

Они обернулись. В дверях стоял майор Рогов — высокий, сухощавый, в отлично выглаженной форме, с пистолетом в руке. Его лицо выражало скуку, словно он ловил таких каждый день.

— Бросьте ключ, и я обещаю, что смерть будет быстрой, — сказал он спокойно.

Громов шагнул вперёд, заслоняя собой Илью и Настю:

— Рогов, послушай меня. Я — полковник Громов, я служил здесь в 80-х, ты меня не знаешь, но я знаю, что ты честный офицер. Кузьмич ведёт объект к катастрофе. Дай нам уйти.

— Сдайте оружие, — повторил Рогов, не меняя тона. — Считаю до трёх.

Илья лихорадочно соображал. Пистолет нацелен прямо в грудь, шансов выбить, его нет. Но тут из коридора послышался шум, топот, и голос Дроздова:

— Рогов! Остановите их! Они украли секретные чертежи!

Дроздов влетел в кабинет, и в ту же секунду Настя сделала неожиданное: она резко дёрнула вниз портрет Дзержинского, и тот упал прямо на Рогова, заставив его на секунду отвлечься. Илья метнулся вперёд, ударил ногой по запястью майора, и пистолет вылетел из руки, упав под стол.

Началась суматоха. Рогов пытался вырваться, но Громов сдавил его горло, Илья схватил пистолет, и в этот момент Дроздов закричал:

— Быстро! За мной!

Они выбежали из кабинета, оставив Рогова на полу, и понеслись по техническому коридору. Дроздов указывал путь, петляя среди труб и кабелей. За спиной слышались крики, сирена — тревога объявлена по всему объекту.

— Шахта! — крикнул Дроздов, останавливаясь перед узким вертикальным лазом с лестницей. — Она выводит прямо в пультовую, над зеркалами. Мы будем прямо над шаром. Там я смогу открыть люк, и вы спуститесь к вышке. Но ключ нужно вставить на пульте, а пульт под охраной.

Илья посмотрел вверх — шахта уходила в темноту метров на пятнадцать.

— Лезем, — скомандовал он и начал подъём.

Настя полезла следом, затем Громов, последним — Дроздов. Они карабкались быстро, несмотря на возраст Громова, который двигался с завидной ловкостью (адреналин делал своё дело). Через несколько минут они оказались на металлической площадке над огромным залом. Внизу, метрах в десяти, светился голубой шар, а у пульты стоял Кузьмич с двумя офицерами и что-то оживлённо обсуждал.

— Видите люк? — прошептал Дроздов, указывая на круглый металлический люк в полу площадки. — Он открывается поворотом рукоятки. Оттуда лестница прямо к вышке, минуя пост охраны. Я спущусь первым, отвлеку Кузьмича. Как только я заговорю, вы открываете люк и бегом к вышке. Ключ вставьте в гнездо с красной меткой, поверните до щелчка — это отключит охлаждение. Затем сразу же беритесь за рубильник аварийного сброса на самой вышке. Поняли?

Илья кивнул, сжимая ключ в ладони. Дроздов проверил, закреплена ли верёвка на поясе, и начал спускаться по лестнице, которая вела от люка к полу зала. Они видели, как он появился из-под площадки, подошёл к Кузьмичу и что-то заговорил, размахивая руками, показывая на монитор.

— Сейчас! — прошептал Илья, повернул рукоятку.

Люк со скрипом открылся, и он первым начал спускаться по металлической лестнице. Настя и Громов следовали за ним. Внизу было жарко от излучения шара, воздух дрожал. Илья

спустился на бетонный пол у самого основания вышки — высокой конструкции в форме буквы «П», которая поднималась к сфере. Он видел рубильник наверху, метрах в пяти.

Он бросился к лестнице вышки, но на полпути услышал выстрел. Кузьмич схватил пистолет и выстрелил вверх, в сторону люка, откуда спускались. Пуля пробила трубу, и струя пара ударила в лицо Илье. Он закашлялся, но не остановился. Настя была уже рядом, поддерживала его.

— Давай! — крикнула она.

Илья поднялся на вышку, дотянулся до рубильника, вставил ключ в гнездо, повернул. Шар издал низкий гул, начал темнеть. Но тут Кузьмич заорал:

— Рогов, огонь!

Илья обернулся и увидел, как майор Рогов появился из бокового входа, с автоматом. Он целился прямо в Настю. Илья понял, что не успеет, и сделал единственное, что пришло в голову: он рванул рубильник вниз, одновременно выхватывая пистолет, который он украл у Рогова, и выстрелил в потолок, чтобы создать шум. Шар вспыхнул ярко, как маленькое солнце, и раздался взрывной звук. Всё залило белым светом.

Илья почувствовал, как его подбрасывает, и он теряет сознание.

Когда он очнулся, он лежал на холодном бетоне. Рядом — Настя, целая, дышит. Громов сидел у стены, держась за голову. Вокруг было темно, только голубой шар по-прежнему светился, но теперь тускло, почти затухая. Дроздов стоял у пульта, смотрел на табло.

— Что произошло? — прохрипел Илья.

— Вы отключили охлаждение, — сказал Дроздов, оборачиваясь. — Но перегрузка создала мощный выброс излучения. Рогов и Кузьмич погибли. Они стояли слишком близко. А мы... мы оказались в защитном поле сферы. Но я боюсь, что это поле нестабильно.

Настя поднялась, пошатнулась:

— Мы в безопасности?

— Пока да, — вздохнул Дроздов. — Но вы создали парадокс. Вы убили Кузьмича до того, как он отдал приказ о запуске. Значит, авария не случится. Но что теперь будет с временной линией? Мы всё равно что-то изменили. Нам нужно вернуться в 2026, но для этого нужно снова активировать резонатор в правильном режиме. А это...

Он не договорил, потому что шар вдруг замерцал, и внутри него появился силуэт мальчика. Того самого, с пионерским галстуком. Он открыл рот и произнёс голосом, который звучал одновременно в голове у каждого:

— Вы нарушили порядок. Теперь я вынужден забрать одного из вас, чтобы сохранить баланс. Выбирайте, кто останется здесь, навсегда.

Илья посмотрел на Настю, на Громова, на Дроздова.

— Я, — сказал он.

Но мальчик покачал головой:

— Нет. Тот, кто должен остаться, уже знает это. Скажи, Громов.

Полковник медленно поднялся и прошептал:

— Я всегда знал. Я и есть тот мальчик.

Глава 3. Исходная точка

Слова Громова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинцовые плиты. Илья смотрел на старого полковника и не мог поверить. Этот хромой, седой человек с морщинистым лицом и усталыми глазами — тот самый мальчик с пионерским галстуком? Тот, кто мелькал в глубине плазменного шара и шептал о сорока годах одиночества?

— Это невозможно, — выдавил Илья. — Вы родились в 50-х, я видел ваши документы. Вы служили в Афганистане, у вас есть медали.

— Документы — это бумага, — тихо ответил Громов. — Их можно сделать. А медали... я их заработал, но уже после того, как попал в 2026-й. Я не знаю, как это объяснить, но когда резонатор впервые сработал в 1983 году, он не просто убил детей. Он... пересобрал меня. Меня, Колю Смирнова, четырнадцатилетнего пионера из лагеря «Спутник», выбросило в будущее. Я очнулся в лесу под Свердловском-45 в 2026 году — без документов, без денег, в одной пионерской форме. Я ничего не помнил первые несколько лет. Бродяжничал, попал в детдом, потом в армию. Там мне дали новую биографию, имя, звание. Я даже сам поверил, что я Громов Пётр Петрович, родился в 1954-м. Но потом, когда я вернулся в этот объект в 1999-м, я увидел шар и всё вспомнил.

Настя подошла к нему, взяла за руку. Её пальцы дрожали.

— Значит, вы уже однажды были внутри этой петли. Вы видели, как всё закончится.

— Тысячи раз, — кивнул Громов. — И всегда по-разному. Но одно оставалось неизменным: я никогда не мог спасти Колю. Потому что Коля — это я. Если я спасу его, меня не станет. И тогда кто остановит резонатор?

Мальчик в шаре снова заговорил, и его голос был подобен звуку натянутой струны:

— Ты знаешь ответ, Громов. Ты должен остаться здесь, в 1983 году. Тогда временная петля замкнётся, и ваши друзья вернутся в 2026-й. Я — твоя память, твоя вина, твой якорь. Без меня ты никогда не сможешь жить спокойно.

Илья шагнул вперёд, к шару, и закричал, обращаясь к мальчику:

— А если мы найдём другой способ? Если мы отправим сигнал в прошлое, чтобы лагерь «Спутник» отменил экскурсию, чтобы Коля никогда не попал сюда? Тогда Громов не исчезнет, и мальчик останется жив!

Шар замерцал, словно размышляя. Силуэт мальчика покачал головой:

— Я пробовал. В одной из версий Дроздов отправил радиogramму в 1980 год. Но сигнал был слишком слабым, его приняли как помеху. А если усилить его, потребуется мощность, которая разрушит резонатор. Вы окажетесь в ловушке между временами, как я.

— Тогда мы разрушим резонатор, — твёрдо сказала Настя. — Если он не будет работать, никто не сможет запустить его в будущем. Мы уничтожим этот шар, и временная петля исчезнет.

Дроздов подошёл к пульту, провёл пальцем по холодной панели.

— Это возможно, — медленно проговорил он. — Но не так просто. Чтобы разрушить сферу, нужно создать встречную волну. У нас есть второй запасной ключ, который мы взяли у Рогова. Если я перепрограммирую пульт и направлю всю энергию зеркал внутрь шара, он схлопнется. Но при этом мы все должны находиться за пределами зала, иначе нас тоже схлопнет.

— И что, мы просто уйдём и оставим шар умирать? — спросил Илья.

— Нет, — ответил Дроздов. — Кто-то должен остаться здесь, чтобы вручную активировать программу. Потому что из пультовой она запускается на расстоянии, но если что-то пойдёт не так, нужно будет перекрыть подачу энергии вручную, прямо у основания зеркал. Это смертельно опасно — радиация и температура поднимутся до тысяч градусов.

Все замолчали. Громов посмотрел на Илью и Настю долгим, тяжёлым взглядом.

— Я останусь, — сказал он. — Это мой долг. Мой выбор. Я уже столько раз жил и умирал в этой петле, что пора поставить точку.

— Нет, — возразила Настя. — Мы не для того пришли сюда, чтобы вы жертвовали собой. Мы найдём другой выход.

— Времени нет, — вмешался Дроздов, кивнув на монитор. — Я только что проверил систему — через час включится автоматическая подача энергии на зеркала. Это заложено в программу на случай, если запуск не произойдёт вручную. Резонатор сам начнёт разгон, и остановить его будет уже нельзя. Нам нужно действовать сейчас.

Илья взглянул на часы: 11:03. Час до автоматического запуска. Сердце забилося быстрее.

— Хорошо, — сказал он. — Мы сделаем так. Мы уходим в технический коридор, я остаюсь у пульта, чтобы запустить программу, а Настя и Дроздов идут к основанию зеркал и готовятся перекрыть подачу энергии, если что-то пойдёт не так. Громов... вы идёте с ними. Вы поможете им, если будет нужно.

— Я не могу уйти, — покачал головой Громов. — Если я уйду, мальчик в шаре исчезнет, и мы никогда не узнаем, сработала ли программа.

— Вы нужны там, у зеркал, — твёрдо сказал Илья. — Если вы останетесь здесь, вы умрёте вместе с шаром, а ваши знания пропадут. Мы должны сохранить хотя бы одного человека, который помнит все петли. Это наша страховка.

Громов колебался, но затем кивнул.

— Ладно. Но обещай мне, Илья, что если что-то пойдёт не так, ты покинешь пульт и не будешь геройствовать. Ты нужен Насте.

Илья посмотрел на Настю. Она стояла бледная, но собранная. В её глазах читалась решимость, смешанная со страхом. Он подошёл к ней, взял за плечи.

— Мы справимся, — сказал он. — Я вернусь к тебе. Обещаю.

Она коротко кивнула, и они обменялись тем взглядом, который не требовал слов. Затем Настя повернулась к Дроздову и Громову:

— Идём. Показывайте путь к основанию зеркал.

Дроздов достал из кармана схему объекта, развернул её, указал пальцем на нарисованный тоннель, обходящий центральный зал.

— Вот здесь. Техническая галерея, она идёт под полом, там есть смотровые люки к фундаменту зеркал. Если я подам сигнал, что программа запущена, вы должны будете одновременно повернуть два вентиля на магистрали охлаждения — они находятся прямо под зеркалами. Это остановит циркуляцию гелия, и шар начнёт схлопываться. Но если вы опоздаете на пять секунд, перегрузка взорвёт зеркала, и тогда...

— Мы поняли, — перебил Громов. — Не будем опаздывать.

Они двинулись к выходу из зала. Илья остался у пульта. Он смотрел им вслед, чувствуя, как внутри разгорается холодный огонь. Теперь он был один, если не считать голубого шара, в котором замерцал мальчик.

— Ты думаешь, они успеют? — спросил мальчик.

— Успеют, — ответил Илья. — У них нет выбора.

Он начал изучать пульт. На панели было множество рычагов, кнопок, индикаторов. Дроздов наспех объяснил ему последовательность действий, но в суматохе Илья мог забыть что-то важное. Он провёл пальцем по табличке с надписью «ПРОГРАММА УНИЧТОЖЕНИЯ — ТОЛЬКО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ КОМИССИИ». Под ней была красная кнопка с защитным колпачком. Рядом — вращающийся переключатель на четыре позиции: «ОХЛАЖДЕНИЕ», «ЗАПУСК», «АВАРИЯ» и «САМОУНИЧТОЖЕНИЕ».

Илья снял колпачок, перевёл переключатель в положение «САМОУНИЧТОЖЕНИЕ». Загорелся красный индикатор. На мониторе высветилось предупреждение: «ВНИМАНИЕ!

НЕОБРАТИМАЯ ОПЕРАЦИЯ. ПОДТВЕРДИТЕ КОДОМ ДОСТУПА». Он вставил запасной ключ в гнездо, повернул до щелчка. Код подтверждён. На экране появился обратный отсчёт: 00:59:59.

— Остался час, — прошептал Илья. — Ровно час до самоуничтожения. Если они не успеют...

Он проверил связь через старый телефонный аппарат на пульте. Набрал номер, который дал Дроздов. Трубку поднял Громов:

— Мы на месте. Видим вентили. Начинаем подготовку. Ждём твоего сигнала.

— Через 58 минут я нажму кнопку. Готовьтесь.

Илья повесил трубку и сел на стул, стоявший у пульта. Тишина в зале казалась осязаемой, только шар гудел с едва слышным аккомпанементом. Он закрыл глаза и попытался успокоить дыхание. Мысли метались: Настя внизу, под зеркалами, среди труб с жидким гелием. Что, если она ошибётся? Что, если Дроздов не рассчитал давление? Что, если Громов, несмотря на свой опыт, не справится?

Он открыл глаза и посмотрел на шар. Мальчик смотрел на него в ответ.

— Ты боишься, — сказал мальчик. — Это нормально.

— Я боюсь не за себя, — ответил Илья. — Я боюсь, что мы всё сделаем неправильно.

— Вы уже сделали много правильного, — возразил мальчик. — Ты остановил Кузьмича. Ты нашёл ключ. Ты дал шанс Дроздову. Но знаешь, что самое главное? Ты не оставил Громова. Он столько раз проходил через это один, и каждый раз его забывали. А ты не забыл.

Илья усмехнулся.

— Какая ирония: мальчик из 1983-го учит меня морали.

— Я не мальчик, — вдруг сказал силуэт. — Я — отражение. Осколок его души, который остался здесь, чтобы держать петлю. Я существую только потому, что он не может простить себя за тот день. Если он уйдёт отсюда живым, я исчезну. Но это будет означать, что он, наконец, простил себя.

Илья хотел ответить, но в динамиках раздался голос Дроздова:

— Илья, мы готовы. Вентили повернуты на четверть оборота, как надо. Ждём твоей команды.

Илья посмотрел на таймер: 00:11:32.

— Хорошо, — сказал он в трубку. — Я нажимаю кнопку через десять минут. Как только увидите, что сфера начала пульсировать, одновременно поверните вентили до упора. Поняли?

— Поняли, — ответил Громов. — Удачи, Илья.

— Удачи вам.

Он положил трубку и глубоко вздохнул. Десять минут. Он мог бы просто сидеть и ждать, но что-то подсказывало ему, что нужно действовать сейчас. Он подошёл к пульту, проверил все переключатели, убедился, что ключ вставлен до конца. Затем он нажал красную кнопку.

Раздался низкий гул, шар начал вибрировать. Таймер на экране сменился новой надписью: «СХЛОПЫВАНИЕ ИНИЦИИРОВАНО». Зеркала начали медленно сдвигаться друг к другу, а шар стал сжиматься. Илья схватил трубку и закричал:

— Давайте! Крутите!

В динамиках послышался металлический скрип, затем голос Насти:

— Крутим! Есть! Вентили закрыты!

Шар резко сократился в размерах, его голубой свет стал фиолетовым, затем белым. Зеркала задрожали, по ним пошли трещины. Илья почувствовал, как пол под ногами начал вибрировать. С потолка посыпалась бетонная крошка. В зале стало жарко, воздух нагрелся до предела.

— Уходите! — крикнул он в трубку. — Уходите из галереи!

Но в ответ было только шипение статических помех. Связь оборвалась. Илья рванул к выходу из пультной, но дверь заклинило от вибрации. Он попытался выбить её плечом, но она не поддавалась. Шар расширился снова, выбрасывая мощные импульсы света.

— Настя! — закричал он. — Громов! Дроздов!

Ответа не было. Только гул и треск ломающихся зеркал. Илья почувствовал, как что-то горячее коснулось его щеки — по воздуху летели мелкие искры. Он упал на пол, закрыл голову руками, и в тот момент увидел мальчика, который парил прямо перед ним.

— Я знал, что так будет, — сказал мальчик. — Ты останешься здесь. Я всегда один, но теперь ты со мной.

— Нет! — закричал Илья. — Они не могли погибнуть!

Но шар взорвался ослепительным пламенем, и Илья провалился в пустоту.

Он очнулся от холода. Лёжа на мокрой земле, он смотрел в серое небо. Дождь моросил, капли падали на лицо, смешиваясь со слезами (он не знал, плакал ли). Рядом валялись обломки бетона, куски металла. Лес вокруг был изуродован — деревья лежали сломанными, как спички.

Илья попытался встать. Ноги дрожали, голова кружилась. Он огляделся и увидел, что он находится у разрушенного входа в объект. Водопада больше не было — вода текла по камням, обнажив бетонный проём, из которого валил дым.

— Настя! — закричал он в пустоту. — Громов!

Ему ответил только шум ветра. Он побрёл к проёму, но оттуда вырвался клуб удушающего чёрного дыма, и он отшатнулся. Объект был уничтожен. Взрывом снесло верхние этажи, вентиляционная штольня обвалилась.

Но тут он услышал кашель. Справа, у кучи камней, кто-то шевелился. Илья побежал туда, начал разгребать щебень. Он увидел бледное лицо Насти, покрытое сажей, но живое.

— Ты... — прошептал он, прижимая её к себе. — Ты жива.

— Где Громов? — спросила она сквозь кашель.

Илья оглянулся, но никого не увидел. Только дым и обломки. И вдруг из-за дерева вышел человек. Хромой, опирающийся на трость. Громов. Он был весь в копоти, но шёл сам.

— Спасибо, что не забыли старика, — сказал он и улыбнулся.

Но улыбка его была печальной. Он оглянулся на разрушенный объект и тихо произнёс:

— Я слышал голос мальчика. Он сказал: «Ты свободен». Я больше не должен возвращаться.

В этот момент Илья заметил, что на месте водопада, на мокрых камнях, лежит пионерский галстук. Красный, яркий, словно его только что погладили. Громов подошёл, взял его в руки, провёл пальцами по ткани и заплакал.

— Прощай, Коля, — сказал он.

Илья обнял Настю. Всё было кончено? Неужели эта безумная история закончилась? Он посмотрел на небо, где сквозь тучи пробивался луч солнца. Впервые за долгие дни.

— Нам нужно уходить отсюда, — сказал он. — Взрыв могли заметить. Надо выбраться к дороге, пока не приехали военные.

Они медленно двинулись по лесу. Громов шёл за ними, сжимая галстук. Никто не говорил ни слова.

Когда они вышли к лесовозной дороге, Илья остановился. За спиной, у объекта, что-то гудело. Он обернулся — и в небе над руинами увидел мерцание. Голубое, пульсирующее, точно такое же, как у шара.

— Что это? — прошептала Настя.

Громов побледнел.

— Это не конец, — сказал он. — Это только начало. Резонатор уничтожен, но временной разрыв остался. Каждые сорок лет, в этот день, он будет открываться снова. Мы должны найти способ закрыть его навсегда. И я знаю, кто может помочь.

— Кто? — спросил Илья.

Громов повернулся к нему и сказал:

— Дроздов. Он выжил. Я видел его на выходе. Он хотел встретиться с нами в 2026-м. Он знает, как перекрыть разрыв.

Илья замер. Если Дроздов жив, значит, история ещё не закончена. Значит, они снова вернутся в этот лес, к этому объекту. И возможно, в следующий раз им придётся заплатить ещё более высокую цену.

Но сейчас он просто взял Настю за руку и пошёл вперёд, оставляя за спиной дымящиеся руины и мерцающий голубой огонь.

Глава 4. Седьмой километр

Лес встретил их тишиной. Той особенной, послевзрывной тишиной, когда даже птицы молчат, а ветер не шевелит ветви. Илья, Настя и Громов брели по лесовозной дороге, оставляя за спиной дымящиеся руины объекта. Ноги увязали в грязи, одежда была пропитана копотью и потом, дыхание вырывалось хриплыми толчками. Каждый шаг давался с трудом, но они не останавливались, потому что знали: если сейчас замешкаться, то можно либо погибнуть от облучения, либо попасть в руки военных, которые уже, наверное, заметили взрыв и спешат на место.

Илья нёс на себе Настю — она повредила ногу при падении в галерее, и хотя шла сама, но с каждым шагом её лицо становилось всё бледнее. Громов, несмотря на свой возраст, двигался на удивление резво, опираясь на самодельную палку, которую он срезал по дороге.

— Сколько нам ещё до дороги? — спросила Настя, с трудом разжимая губы.

— Километра полтора, — ответил Илья, сверяясь с картой, которая чудом уцелела в нагрудном кармане. — Если не сбились с направления. Там должен быть поворот на старую лесовозную ветку, а по ней — до стоянки.

Громов остановился и прислушался. Где-то далеко, за гулом собственного сердца, Илья тоже уловил звук: низкий, вибрирующий, похожий на работу тяжёлого двигателя. Или на вертолёт.

— Они уже ищут, — сказал Громов. — Взрыв на таком объекте не могли не заметить. Сейсмические станции, спутники... нам нужно ускориться.

Илья сжал челюсти. Настя стонала, но не жаловалась. Он подхватил её на руки, и они побежали — точнее, перешли на быстрый шаг, который был пределом их возможностей.

Лес начал редеть. Сквозь ветки проглядывал асфальт — это была та самая старая дорога, по которой они приехали. Но когда они вышли на неё, Илья замер.

Вместо разбитого, заросшего травой покрытия перед ними простиралась ровная, ухоженная трасса с чёткими разметками, столбами освещения и указателем, на котором крупными буквами было написано: «СВЕРДЛОВСК-45. 7 КМ. ВЪЕЗД ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКАМ».

— Это не та дорога, — прошептала Настя.

— Та, — ответил Громов, и голос его дрогнул. — Просто мир изменился. Пока мы были в прошлом, мы изменили историю. Аварии не случилось, объект не забросили. Он продолжает работать. И вокруг него вырос целый город.

Илья перевёл взгляд на указатель. Под надписью был изображён герб — атомный символ и шестерёнка. Знакомый герб Минсредмаша. Значит, в этой реальности проект «Гром» не только выжил, но и стал частью промышленного комплекса.

— Что теперь с нами? — спросила Настя. — Нас здесь нет, мы не существуем в этой версии.

— Мы существуем, — возразил Громов. — Но наши биографии могут отличаться. Возможно, мы просто другие люди. Или нас никогда не рождалось. Я не знаю. Я никогда не выходил из петли в такой версии. Каждый раз я возвращался в свой мир, где объект был заброшен.

Они стояли на обочине, глядя на пустынную трассу. Через несколько минут из-за поворота показалась чёрная «Волга» с военным номером. Машина сбавила скорость, и из окна высунулся молодой капитан в фуражке.

— Эй, вы! Что за люди? Документы!

Илья похолодел. В 2026 году у них были паспорта, телефоны, деньги. Но в этом новом мире их документы могли быть недействительными или вообще отсутствовать. Он наугад сунул руку в карман и с удивлением нащупал свой паспорт. Достал, раскрыл — обычный рос-

сийский паспорт, его фотография, дата рождения, прописка. Но на прописке стоял адрес в Свердловске-45, а не в их бывшем посёлке.

— Мы... мы работники объекта, — нашёлся Громов, подходя к машине. — Авария на резонаторе, мы эвакуировались.

Капитан смерил его подозрительным взглядом, но затем кивнул:

— Садитесь в машину. Отвезу на КПП, там разберутся.

Они забрались в «Волгу». В салоне пахло бензином и кожей. Илья прижимал к себе Настю, чувствуя, как она дрожит. Громов сел впереди и что-то негромко говорил с капитаном — тот, похоже, принимал его за своего, старшего офицера.

Через десять минут они въехали в город. Илья не узнавал его. Вместо привычных заброшенных пятиэтажек перед ними стояли современные дома, торговые центры, широкие проспекты. Люди в деловых костюмах, машины, светофоры. Но вдаль, над крышами, вздымалась вышка — та самая, которую он видел в 1983 году. Она была значительно выше, с вращающимися антеннами и огромными зеркалами, отражающими солнце.

— Это всё из-за нас, — прошептала Настя. — Мы создали этот мир.

— Мы его спасли, — поправил Громов. — Но спасли не до конца.

«Волга» въехала на закрытую территорию института «Плазма», где стояли корпуса с табличками «НИИ-80», «Лаборатория резонансных технологий». Капитан высадил их у главного здания и уехал, сказав, что доложит начальству.

Они стояли на крыльце, глядя на огромную вывеску с портретом Дроздова. Портрет был чёрно-белым, с траурной лентой. Под ним — надпись: «Алексей Сергеевич Дроздов, основатель института, 1948–2024».

— Он умер? — спросил Илья.

— Нет, — ответил Громов, прочитав даты. — Он должен был умереть в 1983 году. Но мы его спасли. Он прожил долгую жизнь и ушёл всего два года назад. Но он знал, что мы придём, и оставил нам сообщение.

Они вошли в холл. У вахты стоял пожилой охранник с орденом на груди. Громов подошёл к нему и сказал пароль, который, видимо, помнил из одной из своих петель:

— «Гюйгенс-81. Жду гостей».

Охранник взглянул на него с удивлением, затем кивнул и протянул ключ от лифта с пометкой «Уровень Б-7». Они спустились в подвал, где их встретила пустая лаборатория. На столе лежал конверт с надписью «ИЛЬЕ И НАСТЕ». Громов открыл его, вынул письмо.

Это был рукописный текст, но почерк Дроздова — мелкий, аккуратный, такой, каким он писал в своём журнале:

«Дорогие мои гости из будущего. Если вы читаете это, значит, вы успешно пережили мою программу самоуничтожения. Я рад, что вы живы. Но знайте: вы создали временной разрыв, который будет открываться каждые сорок лет, в день аварии. Я провёл остаток своей жизни, изучая это явление. Единственный способ закрыть его навсегда — снова активировать резонатор, но не на полную мощность, а в режиме обратной волны. Это поглотит разрыв и нейтрализует его. Но для этого нужен третий ключ — тот, что я спрятал в 1961 году, во время строительства объекта. Я оставил его там, замурав в бетон, зная, что вы сможете вернуться в прошлое и найти его. Координаты — в конверте. Я верю в вас. И помните: если вы не успеете к следующему циклу (12 мая 2063 года), разрыв расширится и поглотит весь регион. С уважением, ваш друг А.С. Дроздов».

Настя прочитала письмо и побледнела ещё больше.

— Он хочет, чтобы мы снова прыгнули в прошлое? В 1961 год?

— Да, — ответил Громов. — Но теперь у нас есть опыт и координаты. Мы знаем, где искать ключ.

Илья взял конверт, внутри была карта старого котлована с отметкой: «Южная стена, шестой ярус, ниша N3».

— Но у нас нет машины времени, — сказал он. — Резонатор разрушен.

— Разрушен только шар, — возразил Громов. — Но зеркала в новом мире не были разрушены. Они были модернизированы, и до сих пор стоят в главном зале. Тот самый объект, который мы взорвали в нашей реальности, здесь работает как действующая установка. Мы можем использовать его, чтобы отправиться в 1961-й.

Илья посмотрел на Настю. Она кивнула, сжав его руку.

— Если мы это сделаем, — сказала она, — то изменим историю снова. Может, ещё сильнее.

— Это риск, — согласился Громов. — Но если мы ничего не сделаем, через сорок лет разрыв уничтожит всё. У нас есть выбор: попытаться или смириться.

Илья вздохнул и убрал карту в карман.

— Тогда идём. К главному залу.

Они поднялись наверх и через систему коридоров вышли к огромным воротам с надписью «ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПУЛЬТОВАЯ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН». Но дверь была открыта, и внутри, у пульта, стоял молодой человек в белом халате. Он обернулся — и Илья узнал его. Это был Дроздов. Молодой, лет тридцати, такой же, как в 1983 году.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он, улыбувшись. — Я ждал вас каждый день.

— Но вы умерли, — сказала Настя. — На портрете написано...

— Портрет — для отвода глаз, — ответил Дроздов. — Я понял, что если я буду жить слишком долго, то возникнут вопросы. Я инсценировал свою смерть и продолжал работать тайно. Всё это время я готовил установку для обратного прыжка. Она готова.

Он указал на зеркала — они стояли на своих местах, переливающиеся серебром. Шара между ними не было, но в центре висела тонкая голографическая сетка.

— Это новая версия, — пояснил Дроздов. — Она стабильнее. Мы не будем создавать плазму, мы создадим временной тоннель напрямую. Это займёт всего несколько секунд. Но нужен ключ.

— Мы знаем, где его найти, — сказал Громов, доставая карту. — В 1961 году, на стройке.

— Тогда вперёд, — кивнул Дроздов. — Я активирую установку через десять минут. Но помните: прыжок будет жёстким. Вы можете оказаться не в той точке, которую ожидаете. И у вас будет всего час, чтобы найти ключ и вернуться. После этого установка автоматически выдернет вас обратно.

Илья взял Настю за руку, обернулся к Громову:

— Вы с нами?

— Я должен, — ответил Громов. — Я единственный, кто помнит, как выглядит ниша.

Они встали на платформу перед зеркалами. Дроздов нажал кнопку, и голографическая сетка вспыхнула, закручиваясь в спираль. Свет заполнил всё пространство, стены начали расплываться. Илья почувствовал, как его подбрасывает, и в ушах зашумело, как во время сильного ветра.

Последнее, что он увидел, — улыбающееся лицо Дроздова, исчезающее в белизне.

А затем — холод, сырой бетон и звон лопаты. Он открыл глаза и понял, что лежит в грязи, на дне котлована. Над ним возвышались земляные стены, а сверху светило яркое уральское солнце. Где-то гремели грузовики, и слышалась нецензурная брань строителей.

— 1961 год, — прошептал рядом Громов, поднимаясь. — Мы вовремя.

Настя сидела на корточках, пытаясь отдышаться. Илья помог ей встать.

— Где ниша? — спросил он.

Громов развернул карту и указал на южную стену. Но в этот момент раздался резкий свисток, и к ним побежал военный с автоматом.

— Стоять! Кто такие? Приказ коменданта — всех посторонних задерживать!

Илья схватил Настю за руку и побежал к бетонной стенке, где, по карте, была ниша. За спиной слышались крики и топот. Они добежали до стены, но ниши не было — сплошной бетон.

— Она замурована! — крикнула Настя. — Нужно взорвать!

— У нас нет взрывчатки! — ответил Илья.

Но Громов подошёл к стене, провёл рукой по бетону и вдруг нажал на один из камней. Тот провалился внутрь, открывая небольшую полость. Внутри лежал железный ключ, покрытый ржавчиной, но всё ещё крепкий.

— Дроздов оставил механизм для открытия, — объяснил Громов. — Я помню, как он работал.

Он достал ключ, но в этот момент военный уже был рядом и наставил на них автомат.

— Бросай оружие! — закричал он.

Илья встал между ним и Громовым. Времени на переговоры не было. Он вдруг вспомнил слова Дроздова: «У вас будет всего час». Они уже потратили почти сорок минут, и в любой момент их должны были выдернуть обратно.

— Настя, бери ключ! — крикнул Илья, отталкивая солдата.

Настя схватила ключ, и в ту же секунду воздух вокруг них начал мерцать. Военный закричал, но его крик заглушил рев установки, которая начала выдёргивать их из 1961 года. Стены смещались, солнце погасло, и они снова оказались в ослепительном белом свете.

Когда они открыли глаза, они стояли на платформе в 2026 году. Дроздов смотрел на них с облегчением.

— Ключ? — спросил он.

Настя показала ему ржавый кусок металла.

— Есть. Теперь мы можем закрыть разрыв?

— Да, — кивнул Дроздов. — Но это будет последний прыжок. Нам нужно активировать обратную волну прямо сейчас, иначе через минуту разрыв откроется снова — он уже начал проявляться.

Он взял ключ и вставил его в специальное гнездо на пульте. Зеркала засветились, и по залу пошла дрожь.

— Мы сделаем это все вместе, — сказал Илья, взяв Настю за руку и протянув другую Громову. — Чтобы никто не остался один.

Дроздов нажал кнопку. На этот раз не было света и шума — только тишина и ощущение, что время остановилось. А затем — удар, и они все упали на пол.

Когда они очнулись, зал был пуст. Зеркала исчезли, пульт покрылся ржавчиной, а на стенах висела паутина.

— Мы в какой-то новой реальности? — спросила Настя.

Илья вышел на улицу. Вместо современного города стоял лес. Обычный, уральский лес, без домов и дорог. Только на горизонте виднелся маленький посёлок, где, возможно, жили люди.

— Мы закрыли разрыв, — сказал Громов, выходя следом. — Мы вернулись в наш мир. В тот, где мы родились.

Илья посмотрел на свои руки — они были чистыми, без грязи и копоты. Он обернулся на здание — оно было разрушено, как будто стояло так столетиями.

— Всё кончено? — спросил он.

— Всё кончено, — ответил Громов.

Но в этот момент из-за деревьев вышел мальчик лет четырнадцати, в пионерском галстуке. Он улыбнулся и помахал рукой, а затем исчез.

Илья замер. Он не знал, что это было — призрак, воспоминание или предупреждение. Но он чувствовал, что это не конец. И что они ещё вернутся сюда, когда придёт время.

Глава 5. Дом, которого нет

Лес встретил их привычной уральской сыростью. Где-то вдалеке кричала ворона, ветер шевелил верхушки сосен, и пахло прелой листвой и грибами. Илья остановился, перевёл дыхание и оглянулся. Руины объекта исчезли за поворотом дороги — только груда бетонных обломков, заросших мхом, и чёрный провал входа, из которого больше не валил дым. Всё было тихо, спокойно, будто никакого взрыва и не случилось.

— Мы вернулись, — сказала Настя, растирая затёкшую руку. — Мы снова в нашем времени.

— Ты уверена? — спросил Громов, настороженно вглядываясь в кроны деревьев. — В прошлый раз я тоже думал, что вернулся, а потом оказывалось, что мир был чуть другим. Кто-то из знакомых исчезал, или появлялись новые здания. Нам нужно проверить.

— Как? — спросил Илья. — У нас нет ни телефонов, ни связи.

Громов задумался, затем полез в карман брюк и вытащил старый кнопочный телефон — тот самый, который лежал в его куртке, но почему-то уцелел. Он нажал на кнопку включения — экран засветился, и через несколько секунд появилась сеть.

— Есть сигнал, — сказал он с облегчением. — Это уже хороший знак. Если бы мы попали в другую эпоху, сети бы не было.

Илья взял телефон, набрал номер своего мобильного — тот лежал в вагончике, и он надеялся услышать гудки. Но в трубке раздались короткие гудки, затем автоответчик: «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети».

— Странно, — пробормотал Илья. — Мой телефон всегда на связи.

— Не напрягайся, — успокоила Настя. — Может, просто нет покрытия.

— Но здесь, в лесу, покрытие есть всегда, — возразил Громов. — Я уже много лет пользуюсь этим телефоном, и здесь ловит отлично.

Они двинулись по лесовозной дороге, которая теперь казалась ещё более заросшей, чем когда они пришли сюда впервые. Ветки хлестали по лицу, колючие кустарники цеплялись за куртки. Илья заметил, что следов шин на дороге почти не было — лишь старая колея, затянутая травой.

— Ты уверен, что мы идём в правильную сторону? — спросила Настя. — Кажется, мы прошли уже больше километра, а лесовозка не выводит к шоссе.

Громов остановился, проверил по компасу.

— Верно, мы должны были выйти к повороту на Озёрную. Здесь был указатель.

Указателя не было. Вместо него стоял старый бетонный столб, покрытый мхом, с едва заметной надписью: «ОЗЁРНАЯ — 5 КМ». Но стрелка указывала не на дорогу, а прямо в чащу.

— Куда это он показывает? — удивился Илья.

— Не знаю, — признался Громов. — В моих петлях такого не было.

Они решили идти по направлению стрелки, надеясь, что это сократит путь. Через полчаса лес расступился, и они вышли к железнодорожной насыпи. На путях стоял старый товарный вагон, брошенный и ржавый, с открытой дверью. Рядом с ним на рельсах сидел человек в пыльной спецовке и курил самокрутку.

— Эй, — окликнул его Илья. — Как нам добраться до деревни Озёрная?

Человек поднял голову — лицо было обветренным, с глубокими морщинами, глазами глядел водянисто, но без злобы.

— Озёрная? — переспросил он, затягиваясь. — Так нету её. Сгорела ещё в 90-х. Теперь тут лес, и всё.

Илья переглянулся с Настей. Громов шагнул вперёд:

— А как же посёлок Свердловск-45? Закрытый город?

Человек усмехнулся, сплюнул на рельсы:

— Какой такой Свердловск-45? Тут только станция «Западная», и та закрыта. Ходите, граждане, по лесу и несёте чушь. Вам бы к врачу.

Он докурил, встал и, не оборачиваясь, пошёл вдоль путей, исчезнув за поворотом.

— Сгорела, — тихо повторила Настя. — Озёрная сгорела. Но мы же были там несколько дней назад!

— Несколько дней назад в нашей реальности, — сказал Громов, поблуднев. — А здесь, возможно, прошло много лет. Или мир изменился. Я говорил вам — каждый прыжок оставляет следы.

Они пошли дальше вдоль путей и через час вышли к шоссе, но это было не то шоссе, по которому они ехали в начале. Асфальт был старым, с трещинами, по обочинам росли кусты. На одном из столбов висела табличка: «ЕКАТЕРИНБУРГ — 95 КМ».

— Мы далеко от дома, — сказал Илья. — Но хотя бы есть направление.

Они остановили попутку — старый «Москвич» с молодым водителем, который согласился подвезти до города. В машине пахло сеном и бензином. Водитель включил радио, оттуда лилась песня из 90-х. Никаких новостей.

Когда они въехали в Екатеринбург, Илья узнал город — те же улицы, те же здания, но что-то было не так. Мелькнула вывеска «Гостиница СССР», а на другой — «Магазин № 5». Это был не тот Екатеринбург, который он знал. Вместо современных бизнес-центров стояли серые пятиэтажки, и людей на улицах было мало.

— Нас выкинуло в прошлое? — спросила Настя.

— Нет, — сказал Громов, глядя в окно. — Мы в 2026-м, но в другой ветви. Здесь Советский Союз не распался. Или распался, но позже. Или не так. Смотрите на флаги.

На одном из зданий развевался красный флаг с серпом и молотом.

— Боже, — прошептала Настя. — Мы в альтернативной реальности. Мы изменили прошлое настолько сильно, что СССР всё ещё существует.

— Нам нужно выбраться отсюда, — твёрдо сказал Илья. — Где наш вагончик? Где наш дом?

Громов покачал головой:

— Вашего вагончика здесь нет. Вы никогда не жили в этом мире. И вас, возможно, тоже нет.

Илья почувствовал, как пол уходит из-под ног. Он сжал руку Насти, ища опору.

— Но мы же здесь, — сказал он. — Мы стоим, дышим, видим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.